

---

## СОЦИАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ НЕЛИНЕЙНЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В.И. Чупров

Институт социально-политических исследований РАН  
Ленинский пр., 32 а, Москва, Россия, 11991

В статье анализируются особенности механизмов социальной саморегуляции нелинейных процессов на примере динамики ценностных ориентаций молодежи. Они дают определенное теоретическое представление о характере социального регулирования в современных обществах и о возможности рационализации неопределенности в них.

Процесс ускорения, присущий современным обществам, включая Россию, сопровождается ростом социальной неопределенности. Рассматриваемая в широком смысле как неструктурируемость, неопределенность в разных формах проявляется во всех сферах жизнедеятельности и отдельных личностей, и социальных групп, и общества в целом. Заметное ее влияние обнаруживается и в механизмах социальной регуляции в связи с нелинейным характером социальных взаимодействий в условиях неопределенности. Для понимания сущности этих процессов попытаемся раскрыть характер связи неопределенности и нелинейности, определить особенности проявления нелинейности в механизме социальной регуляции, проанализировать его функционирование в конкретной ситуации. Перечисленные проблемы социальной регуляции рассматриваются в общесоциологическом плане, что позволяет определить универсальные свойства ее механизма. Исследование конкретных форм проявления этого механизма осуществляется применительно к молодежи. Тем самым выявляются особенности его функционирования в отдельной социальной группе и более конкретно раскрываются общие закономерности.

*Диалектика связи неопределенности и нелинейности.* Прежде всего следует ответить на вопрос: что же такое нелинейность? В естественных науках под этим понятием объединяются связи, опосредованные влиянием множества условий, между которыми отсутствует прямая зависимость. В общественном знании, и в частности в социологии, под нелинейностью понимается «прерывистое видение социального развития» [3. С. 239]. В отличие от линейных связей, подчиняющихся динамическим закономерностям (жесткой детерминации), нелинейные зависимости, являясь следствием неопределенности связей в социальной системе, отражают статистическую закономерность их детерминации. Многозначность связей, преимущественно случайных, лежащих в основе статистических, в том числе нелинейных закономерностей, предопределило методы их формализации. Они построены на теории вероятностей. Обозначая количественную меру воз-

возможности появления некоторого события при определенных условиях, вероятность, с одной стороны, отражает объективную природу нелинейности, а с другой, позволяет оценить, в какой степени возможна реализация случайного. В этом смысле нелинейность является формой проявления неопределенности.

Базовыми свойствами нелинейной системы становятся «открытость», «неравновесность», «необратимость», «случайность» [8. С. 6]. Благодаря этим свойствам нелинейность может не только активизировать возможности позитивных социальных изменений, но и резко интенсифицировать неструктурируемость связей внутри системы. Тем самым она становится фактором роста неопределенности. Иначе говоря, нелинейность из следствия неопределенности превращается в свою очередь в ее причину. Соответственно, она перестает быть ее формой и становится условием неопределенности. Такова диалектика взаимоперехода неопределенности в нелинейность и наоборот.

***Нелинейность в механизме социальной регуляции.*** Для нелинейной социальной динамики характерно множество путей развития. Разветвление путей, открывающее различные варианты развития, именуется бифуркацией. Схематично этот процесс выглядит следующим образом. Социальная система движется по социально обусловленной траектории, сохраняя устойчивость, пока параметры постоянно возникающих флуктуаций не достигнут порогового значения в точке бифуркации. В момент бифуркации возникает разрыв традиционного (линейного) типа развития, в результате чего «неравновесная система следует по новой траектории, другими словами, входит в область притяжения новой структуры-аттрактора» [2. С. 36] (иначе говоря, структуры, обеспечивающей установление нового режима эволюции системы). Однако данный процесс не следует считать полностью не управляемым. Осознанный выбор делают, как пишет М.С. Ельчанинов, «когнитивные субъекты, способные осмыслить и оценить последствия дифференциации общества» [2. С. 36—37]. Их влияние также выступает одним из аттракторов, способных изменить направленность развития. В итоге создание нелинейно развивающихся сред упорядочивает разнонаправленные действия социальных акторов, реализует их потенциал к самоорганизации, становясь фактором социального порядка постмодернистского типа, определенного И. Пригожиным и И. Стенгерс, как «порядок, порожденный из хаоса» [5. С. 96].

Один из основополагающих принципов функционирования нелинейных систем утверждает, что в процессе эволюции в них возникают избыточные неадаптивные элементы, относительно независимые от регулирующего влияния различных форм контроля, которые являются отнюдь не издержками, а источником саморазвития системы при непредвиденных изменениях условий ее существования. Такие элементы существуют и в естественной, и в социальной средах. Изучая различные типы культур, Ю.М. Лотман пришел к выводу о том, что каждая культура как саморазвивающаяся система должна быть оснащена «механизмами для выработки неопределенности», т.е. бифуркационными механизмами. И только благодаря внесению неопределенности в строго детерминируемую систему куль-

туры, считает Лотман, она приобретает необходимый резерв внутренней активности, становится более чувствительной и подготовленной к преобразованию в ситуациях социальных кризисов [1. С. 190].

Социум, как самовоспроизводящаяся система, содержит в себе самом альтернативные латентные сценарии будущего. Его развитие протекает в условиях постоянной борьбы между ними и, в принципе, всегда направлено на достижение максимальной устойчивости в окружающей природной или социальной среде. Однако в силу большого влияния случайных аттракторов предсказать, какой из сценариев окажется эмпирической реальностью в точке бифуркации можно лишь с определенной долей вероятности. Если детерминированное развитие общественных систем базируется на закономерном взаимодействии так называемых трансисторических структур, то в момент бифуркации на авансцену выдвигаются стохастические факторы, в том числе сознательные и неосознанные действия различных акторов или структур-аттракторов. В переломный момент жизни системы, пишет И. Пригожин, нельзя предсказать ее будущее, так как в условиях неустойчивости и неравновесия любое в обычных условиях незначительное событие или действие может изменить систему и весь ход ее истории [6]. В том случае, если закономерно или случайно возобладают аттракторы дестабилизирующего свойства и переструктурирование системы приведет к выделению энергии социального распада, а не стабилизации, она также выйдет на новую траекторию развития и, возможно, на свой новый уровень, но его основными характеристиками станут деконструктивный хаос и дезинтеграция.

Новая парадигма развития современных социальных систем, формирующаяся в рамках постнеклассической социологии и, в частности, синергетического подхода, инкорпорирует неопределенность, бифуркацию как один из рутинных элементов развития. В качестве ключевого момента в данном подходе И. Пригожин рассматривает переход от детерминизма к нестабильности, т.е. неравновесности. По его утверждению, нестабильность ведет не только к порядку и беспорядку, но открывает также возможность для возникновения уникальных событий [7. С. 50]. Не устойчивое, а динамическое состояние неравновесных природных и общественных систем, регулярно находящихся в режиме бифуркации, является важнейшим условием их самоорганизации и генератором развития. В неустойчивом состоянии включается механизм положительной нелинейной связи, и система, по определению М.С. Ельчанинова, может макроскопически реагировать на различные события на микроуровне и скачком перейти в новое состояние. Благодаря нелинейности малые воздействия особенно эффективны в нестабильной ситуации.

Проследим данный процесс на примере динамики социального взаимодействия молодежи в постсоветский период. Важным аспектом взаимодействия является уровень доверия молодежи государственным и общественным институтам. Рассмотрим динамику оценок доверия за десятилетний период с 1996 по 2006 гг. (1) (табл. 1).

**Динамика оценок доверия молодежи государственным и общественным институтам (1996–2006 гг.)**

Институт	Степень доверия, %											
	год											
	1996			1999			2002			2006		
	Д*	Н*	Д-Н***	Д	Н	Д-Н	Д	Н	Д-Н	Д	Н	Д-Н
Президент РФ	14,2	50,1	-35,9	3,1	81,2	-78,1	57,2	20,1	+37,1	62,1	12,9	+49,2
Правительство РФ	8,2	52,6	-44,4	11,6	66,9	-55,3	24,9	48,4	-23,5	28,7	34,9	-6,2
Государственная Дума	6,8	54,4	-47,6	5,6	71,9	-66,3	15,8	55,7	-39,9	18,7	43,3	-24,6
Руководители регионов	13,8	45,2	-31,4	20,0	51,9	-31,9	22,0	50,3	-28,3	23,3	37,9	-14,6
Милиция	13,3	56,9	-43,6	17,3	61,7	-44,4	20,1	63,3	-43,2	20,5	49,5	-29,0
Суд	20,2	43,6	-23,4	25,7	49,4	-23,7	30,4	48,4	-18,0	33,6	34,4	-0,8
Прокуратура	17,6	43,3	-25,7	22,8	48,6	-25,8	28,6	47,1	-18,5	30,3	33,3	-3,5
Армии	24,3	39,7	-15,4	37,2	38,3	-1,1	34,4	45,2	-10,8	31,8	37,0	-5,2
Профсоюзы	13,2	47,8	-34,6	15,5	52,6	-47,1	22,0	46,2	-24,2	17,2	36,8	-19,6
Церковь	32,0	27,2	+4,8	37,5	32,7	+4,8	48,1	25,7	+22,4	46,2	18,6	+27,6
Политические партии	3,7	57,5	-53,8	5,9	70,0	-64,1	8,2	69,7	-61,5	7,0	53,1	-46,1
СМИ	21,8	37,6	-15,8	32,0	41,2	-9,2	30,5	46,1	-15,6	31,7	33,4	-1,7
Руководители предприятий	10,4	47,4	-37,0	11,9	55,4	-43,5	24,2	44,4	-20,2	18,9	36,3	-18,0
Среднее значение			-31,0			-37,3			-18,8			-7,1

\*Д — доверяю; \*\*Н — не доверяю; \*\*\*Д-Н — доверяю-не-доверяю.

На доверие к различным институтам оказывает влияние множество факторов, в том числе случайные обстоятельства, которые зачастую невозможно предвидеть. Следовательно, здесь не может быть прямой зависимости и многочисленные связи, детерминирующие этот процесс, носят нелинейный характер. Сложное переплетение этих факторов результировалось в общей тенденции — недоверия молодежи к подавляющему большинству институтов, что свидетельствует о состоянии неопределенности в российском обществе. На это указывает соотношение положительных (доверяю) и отрицательных (не доверяю) оценок. В результате повышения внутреннего напряжения в системе «молодежь — общество» в период до 1999 г. происходит накопление отрицательной энергии, что наглядно проявляется в тенденции роста отрицательных значений оценок доверия ко всем институтам, кроме церкви и армии. Средние значения отрицательных оценок возросли с  $-31\%$  до  $-37,3\%$ . Достигнув порогового отрицательного значения в точке бифуркации, тенденция снижения уровня доверия молодежи социальным институтам меняет свою направленность. Судя по резкому росту уровня доверия Президенту РФ (с отрицательного значения  $-78,1\%$  в 1999 г. до положительного  $+37,1\%$  в 2002 г.) бифуркация связана прежде всего с выборами в 2000 г., когда Президентом страны стал В.В. Путин.

Происходит переключение молодежи с одного набора аттракторов, т.е. сил, направляющих ее недоверие к институтам, на другие, при которых изменяется характер взаимодействий в системе, опосредующих повышение доверия. В период с 2002 г. по 2006 г. отмечается рост доверия молодежи ко всем без исключения государственным и общественным институтам (с  $-18,8\%$  до  $-7,1\%$ ). Это свидетельствует о том, что процесс приобретает динамичный режим, направленный на стабилизацию отношений в обществе. Однако нельзя не видеть, что, кроме

Президента РФ и Церкви оценки доверия ко всем другим институтам сохраняют отрицательные значения. Это говорит о том, что состояние неопределенности в стране до конца не преодолено. Разветвление тенденций оценок в точке бифуркации выявляет два возможных аттрактора в развитии отношений между молодежью и обществом. Первый связан с укреплением этих отношений. Судя по тому, что приближаются к положительным значениям оценки доверия к суду (-0,8%), СМИ (-1,7%), прокуратуре (-3,5%), укрепление отношений пойдет в правовом русле. Область притяжения второго аттрактора, наоборот, может способствовать конфронтации в отношениях молодежи с институтами власти. На это указывают сохраняющиеся высокие отрицательные значения доверия политическим партиям (-46,1%), милиции (-29%), Государственной Думе (-24,6%).

Как видим, неопределенность в социальной системе проявляется в нелинейном характере социальных взаимодействий в ней, а также в механизмах ее социальной регуляции. Во-первых, в условиях неопределенности утрачиваются основы предвидения и прогнозирования не только отдаленного, но и ближайшего будущего, причем как на общественном, так и на индивидуальном уровне, как на уровне обыденного сознания, так и научного, без чего немыслима целеориентированная социальная регуляция. Научное и тем более обыденное знание оказываются не в состоянии оценить все возможные факторы, особенно если они связаны с субъективными интересами тех или иных групп влияния. Тем самым неопределенность смыкается с непредсказуемостью, а рациональность выбора (в сфере образования, профессионального самоопределения, семейных отношений и т.д.) ставится под сомнение. Вместо этого выбор превращается в мало обоснованное гадание, когда лишь ограниченные возможности и собственная интуиция оказываются ведущими факторами социального взаимодействия.

Во-вторых, состояние неопределенности системы, находящейся перед выбором в точке бифуркации, не исчезает даже в момент прояснения ситуации и появления потенциальных возможностей. Нелинейность взаимодействий препятствует калькулируемому выбору, и социальная система все еще остается в состоянии бифуркации. Она преодолет порог бифуркации в ходе конкурентной борьбы противоположных аттракторов, лишь завершив отбор предпочтительного сценария развития. Наличие противоположных возможностей порождает ситуации со многими неизвестными, не имеющими однозначного исхода и ставящими взаимодействующих субъектов и систему в целом перед лицом неизбежного риска. Калькулируемый риск становится активным способом разрешения противоречий при многовариантном развитии событий и снятия неопределенности путем практического превращения возможностей в действительность. В ситуации удачного выбора неопределенность снимается и вступают в силу динамические закономерности.

Однако субъекты взаимодействий нередко лишены возможности рассчитать вероятность случайных событий, оценить ресурсы, действие внешних факторов. Тогда риск становится спонтанным и не только не снимает, но продуцирует новую неопределенность. Вступают в действие механизмы саморегуляции рисков.

**Саморегуляция рисков в сфере образования молодежи.** Под саморегуляцией в социологии понимается деятельность, направленная на предупреждение и преодоление возникающих отклонений от такого состояния условий бытия и способов жизнедеятельности, которые индивид (группа) принимает для себя как должные и ожидаемые. Рассматриваемая как воздействие личности или группы на самих себя, саморегуляция является формой становления субъектности молодежи, т.е. способности активно и автономно существовать и действовать в изменяющемся обществе. Проявляясь в форме поведенческой реакции молодых людей (молодежи как социальной группы) на недостаточные возможности, предоставляемые средой, она определяется на эмпирическом уровне как способность оптимального выбора в ситуациях возникающего риска.

В условиях нелинейно изменяющихся процессов, сопровождающих риск, эта реакция находит практическое проявление в способах саморегулирования, представляющих собой результат конкретных действий и деятельности по отслеживанию и осмыслению молодыми людьми того, как развивается та или иная ситуация. Важную роль в этом процессе играет индивидуальная или групповая рефлексия. Она реализуется посредством постоянного переосмысления основ своей деятельности, способности к анализу ее результатов в направлении оптимального выбора ради максимизации выигрыша или минимизации проигрыша. Гарантом успешного саморегулирования является право. Отражаясь в правовом сознании, результаты деятельности приобретают легитимную форму.

В ситуациях риска на локальном уровне происходит спонтанное саморегулирование, индивидуальный поиск осознанного способа решения проблем, связанных, например, с поступлением в учебное заведение, выбором профессии, трудоустройством. По сути, самоорганизация молодежи — это пример изучаемых в синергетике «самоорганизующихся сред» [9], функционирующих в изменившихся институциональных параметрах в условиях неопределенности. В наиболее выраженной форме она проявляется в индивидуализации молодежи, присущей обществу риска. Реализуя риск собственными силами, молодые люди вырабатывают новые ориентации, преемственно связанные со старыми стереотипами и традициями. На индивидуально-личностном уровне новые ориентации способствуют возрождению порядка на основе свободы воли отдельных молодых людей. На групповом уровне действуют неинституциональные механизмы саморегуляции. Рассмотрим для примера действие стратификационных и социокультурных механизмов.

**Саморегуляция рисков в стратификационных механизмах** в условиях неопределенности связана с символизацией отношений обмена в социальных взаимодействиях. Потребление товаров и услуг не столько на основе их потребительской стоимости, сколько потому, что они являются символами престижа, благополучия, власти, превращает социальное расслоение в мощный рычаг управления. Этому способствуют изменения и в самом регуляционном механизме стратификации в результате симуляции реальности (гиперреальности). Подмена статусно-ролевых представлений и социальных идентификаций симулякрами превращает процесс слоеобразования в имитацию реальных перемещений.

Как пишет С.А. Кравченко, «появляются новые статусные позиции (княжеские, графские титулы, «звезды» разной величины, клубы миллионеров), идентификация с которыми (через светские «тусовки», отдых в престижных местах, подражание стилю и образу жизни) способствует символической мобильности» [3].

Основой символической мобильности как формы стратификации в условиях нелинейной социальной динамики являются потребляемые символы, знаки. Они становятся дифференцирующими признаками стратификации, т.е. определяющими принадлежность индивидов к той или иной страте, и, напротив, признаками отличными от тех индивидов, кто данные знаки не потребляет. Перефразируя Ж. Бодрийяра, можно сказать, что стратификация становится «систематическим актом манипуляции знаками». Символическая форма стратификации способствует, таким образом, реализации ею функции саморегуляции в социальном управлении. Симуляция стратификационного механизма направлена на смягчение статусно-ролевых конфликтов и социальной напряженности. Тем самым обеспечивается нелинейный процесс дестратификации.

В сфере образования молодежи процесс социального расслоения непосредственно связан с соотношением аскриптивного (предписанного) и достигаемого статусов. В статусе, предписанном молодому человеку родительской семьей, содержатся исходные возможности стартовых позиций, а в достигаемом собственными усилиями — направленность дальнейшей социальной мобильности. Реализация статусных позиций сопряжена с множеством рисков, вызываемых неопределенностью жизненного старта, которые обостряются или минимизируются под влиянием факторов, заложенных в стратификационном механизме саморегуляции.

От чего же зависят стартовые позиции молодежи в сфере образования и риски, связанные с их выбором? Без сомнения влияние оказывают и образовательный статус родительской семьи и уровень ее материального благосостояния, региональные условия ее жизни, гендерные особенности и многие другие факторы. В стратификационном механизме они выступают в качестве оснований аскриптивного статуса молодежи. Однако, как показывают результаты исследования, степень их влияния не одинакова. Если проанализировать тесноту их связи по коэффициенту сопряженности с основными моделями жизненного старта (различные виды образования, работа и формы их сочетания), то представится следующая картина (табл. 2).

Таблица 2

**Ранжирование социальных факторов по степени тесноты связи с основными показателями жизненного старта учащейся молодежи**

Фактор	Интегральные значения коэффициента сопряженности	Ранг
Образование матери	0,39	1
Образование отца	0,32	2
Регион проживания	0,24	3
Материальное положение	0,21	4
Пол	0,15	5

Как видно из табл. 2, ведущее место по степени влияния на жизненный старт учащейся молодежи занимает такой статусный фактор, как образование родителей. С ним связаны различия в образе жизни молодежи, причем образование матери оказалось более значимым фактором, чем отца. Это не случайно, поскольку отражает исторически сложившееся распределение ролевых структур в российской семье. Мать ближе к детям, и ее влияние на них больше.

Опережающее влияние регионального фактора по сравнению с материальным также не случайно. Условия жизни в российских регионах настолько различны, что этот фактор является ведущим в формировании социокультурной среды обитания. К тому же традиционные различия городского и сельского образа жизни за последнее десятилетие стали более поляризованными. Контрастнее проявляются различия в образе жизни крупных и малых городов, поэтому региональные условия становятся важным основанием социальной стратификации и не могут не отражаться на жизненном старте молодежи.

Таким образом, на первый план выдвигаются социокультурные основания стратификации жизненного старта молодежи. Это вполне закономерное явление в условиях бедности большинства населения и поляризации его социально-экономического расслоения. Материальное положение молодежи мало отличается в подавляющем большинстве семей и является скорее общим знаменателем, чем стратификационным основанием. Но его влияние становится особенно заметным при сравнении моделей жизненного старта бедного большинства и богатого меньшинства молодежи.

Что касается гендерных различий, то они проявляются на уровне отдельных видов образования и форм вторичной занятости (сочетания учебы с трудом). В целом же степень их влияния на выбор моделей жизненного старта меньше, чем других факторов.

Идентификация с той или иной статусной группой связана не только с отождествлением себя с ней, но и с осознанием собственной включенности в групповые механизмы саморегуляции. Это способствует снижению социальной неопределенности на этапе жизненного старта, обретению уверенности в себе, столь необходимой для минимизации риска. Соответственно эффективность групповых механизмов саморегуляции зависит от того места, которое занимает данная группа в стратификационной структуре общества. Чем выше социальный статус группы, тем разнообразнее внутри- и межгрупповые социальные контакты, а значит, более разветвленными становятся механизмы саморегуляции, расширяются возможности самореализации всех, кто к ней причастен.

Рассмотрим, как влияют неинституциональные механизмы социальной стратификации на средовой и деятельностный риск (2) [10] в сфере образования молодежи. Для этого выделим группы учащейся молодежи (учащиеся средних школ, ПТУ, техникумов и вузов) с высоким и низким социальным статусом. Статус определялся по показателям уровня образования родителей, региона проживания и материального положения семьи. Степень влияния социального статуса на показатели риска прослеживается на основе анализа данных табл. 3.

Таблица 3

**Связь аскриптивного социального статуса учащейся молодежи с показателями риска**

Уровень статуса	Степень риска	
	средового (К*)	деятельностного (%)
Низкий	3,92	10,8
Высокий	3,64	22,0

\*К — средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале

Из табл. 3 следует, что в группе учащихся и студентов с низким уровнем аскриптивного социального статуса степень средового риска значительно выше, чем в группе с высоким статусом. Это вполне объяснимо, поскольку отражает состояние социальной неопределенности условий, в которых вынуждены жить учащиеся и студенты, унаследовавшие от родителей низкий социальный статус. Не имея необходимой поддержки со стороны семьи и окружения, молодым людям приходится преодолевать риски в своей среде, рассчитывая в основном на свои силы. Для достижения успеха в формировании собственного статуса им необходимо преодолеть психологический барьер изначально ограниченных возможностей, а затем утвердиться в новом социальном качестве путем реальных статусно-ролевых перемещений, т.е. в среде молодежи с низким уровнем аскриптивного статуса саморегуляция рисков происходит преимущественно путем реально достигаемого изменения ее положения в стратификационной структуре.

Иная жизненная ситуация складывается в высокостатусной группе молодежи. Высокий аскриптивный статус не только минимизирует риск жизненного старта, но и приобретает символическую форму в социально-стратификационном механизме. Реальная восходящая мобильность подменяется символической. Основанием стратификации служит не столько достигаемый статус, сколько его символическая форма, являющаяся проекцией аскриптивного статуса. Подобная имитация социальных перемещений выполняет в условиях неопределенности регуляционную функцию по минимизации риска в среде молодежи с высоким уровнем аскриптивного статуса.

Однако степень деятельностного риска в группе с высоким уровнем аскриптивного статуса более чем в два раза превышает значение аналогичного показателя по сравнению с группой с низким статусом. Во-первых, это объясняется более широкими возможностями для самореализации, унаследованными молодыми людьми от родителей с высоким социальным статусом. Они чувствуют себя более защищенными от возможных потерь в случае ошибочного выбора, а потому смелее идут на риск. Проигрыш компенсируется высоким аскриптивным статусом, а выигрыш повышает достигаемый статус. Во-вторых, у этой группы появляются новые риски, сопровождающие процесс имитации социальных перемещений. Способствуя минимизации средовых рисков, имитация предполагает возможность появления деятельностных рисков, связанных с манипуляцией символами, знаками.

Таким образом, саморегуляция средового и деятельностного риска в стратификационном механизме происходит не одинаково. Ослабление средового риска посредством символической мобильности сопровождается усилением

деятельностного. Знание этих особенностей механизма стратификационной саморегуляции позволяет оказывать целенаправленное влияние на минимизацию средового риска и оптимизацию деятельностного. При этом важную роль призваны сыграть факторы, компенсирующие стратификационные различия, среди которых в условиях неопределенности выделяются символические основания стратификации.

*Саморегуляция рисков в социокультурных механизмах* сопряжена с нелинейным характером социокультурной динамики в условиях неопределенности. К специфическим ее проявлениям относятся: доминанта первичных (по А. Маслоу) потребностей; приоритет узкопрагматических интересов, соображений выигрыша, выгоды, пользы; ценностная неопределенность, сопровождающаяся переходом от одной системы ценностей к другой, и связанная с ней дезинтеграция. Эти изменения неизбежно повышают уровень риска в сети социального обмена (Дж. Коулмен). Неопределенность вознаграждения порождает недоверие со стороны партнера, обладающего правами. В свою очередь партнер, несущий затраты, также рискует: обменный цикл может прерваться. Это создает специфическую мотивацию, центральные позиции в структуре которой занимает альтернатива — «недоверие-доверие». Доверие, по мнению Э. Гидденса, выполняет роль фактора, повышающего уровень определенности и стабилизирующего рациональность социальных взаимодействий [11. Р. 34—35].

Другим фактором преодоления неопределенности становится «макдональдизация» (3). Макдональдизированные институты через производство и перераспределение ценностей утверждают и упорядочивают ролевое поведение индивидов, делая его предсказуемым и регулируемым. Однако социокультурная регуляция под влиянием таких институтов носит весьма кратковременный и ситуационный характер. Люди, ориентированные на макдональдизированные стандарты, утрачивают собственную активную причастность к событиям. Не сопереживая причастность с предметом, явлением, невозможно превратить его в ценность. Производство макдональдизированных ценностей носит разовый характер. А поскольку созидательная активность в макдональдизированной реальности вытесняется потребительской, то прекращается воспроизводство абсолютных ценностей.

Отказ от абсолютных ценностей и переход к временным, договорным создает ситуации правдоподобного иллюзорного существования («как бы» — его эквивалент). Каждый конструирует свою систему ценностей, удобную для его комфортного существования: *как бы* работаю, *как бы* создаю семью, *как бы* становлюсь специалистом. Это помогает на время преодолеть неуверенность и придать определенность жизненной ситуации. Состояние правдоподобности получает дальнейшую рационализацию в игровой практике, закрепляясь в форме игризованного сознания. Для него характерна фрагментарность. В социокультурной регуляции, таким образом, ценности, утрачивающие свою всеобщность и определенность, уступают определяющие позиции потребностям и интересам.

Решающая роль в механизме социокультурной саморегуляции принадлежит мотивационной сфере сознания. Она представляет собой сложное системное об-

разование, являющееся продуктом взаимодействия потребностей, интересов и ценностей. Потребности придают процессу саморегуляции предметную направленность, указывая на то, что необходимо, без чего нельзя существовать; интересы — деятельностьную, определяя наиболее выгодные способы удовлетворения потребности. Ценности наполняют ее общемировоззренческим и нравственным смыслом, формируя социальную направленность поведения личности или группы. Применительно к рассматриваемой проблеме уровень потребностей определялся по семибалльной шкале распределения ответов на вопрос о степени неудовлетворенности образованием, уровень интересов — по семибалльной шкале оценок степени заинтересованности в образовании как факторе самоутверждения. Терминальные и инструментальные ценности отражали понимание респондентом смысла образования как цели и как средства.

Как показали результаты исследования, в условиях риска в мотивационной сфере сознания молодежи происходят заметные изменения (табл. 4).

Таблица 4

**Связь риска с процессом саморегуляции в мотивационной сфере сознания учащейся молодежи**

Формы риска	Потребности		Интересы		Ценности	
	низкий уровень	высокий уровень	низкий уровень	высокий уровень	инструм.	терминальные
Средовой риск (K*)	3,63	3,52	4,24	3,53	3,77	3,38
Деятельностный риск (%)	21,4	20,0	47,1	18,5	17,9	15,7

\*K — средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале

Анализ табл. 4 не только подтверждает наличие такой связи, но и выявляет в целом ее положительную направленность в сфере образования молодежи. На это указывает снижение значений средневзвешенных коэффициентов степени средового риска, свидетельствующих о его минимизации, в связи с высоким уровнем когнитивных потребностей и интересов, а также с доминированием терминальных ценностей. Аналогичная тенденция прослеживается и в степени минимизации деятельностного риска.

Наиболее активно степень риска снижается под влиянием интересов. Особенно заметно эта зависимость проявляется в деятельностном риске. Его значение в связи с повышением уровня когнитивных интересов снижается в 2,5 раза. Это связано с деятельностной природой интересов в мотивационной сфере сознания. В интересах отражаются субъективные ожидания человека (группы), в конкретной ситуации (выгодно/невыгодно), и объективные требования к личности или к группе (возможно/невозможно), что и обуславливает их деятельностьную функцию в механизме саморегуляции риска. В условиях неопределенности прагматизация когнитивных интересов молодежи, переводя взаимодействия в сфере образования в плоскость взаимной выгоды, повышает уровень доверия к институту образования. В свою очередь рост доверия способствует повышению определенности в различных ситуациях, возникающих в данной сфере, что и становится фактором минимизации деятельностного риска.

Соотношение субъективных ожиданий и объективных требований регулируется ценностями, являющимися смыслообразующими факторами саморегуляции. При этом значения средового риска минимизируются в группе молодежи, ориентированной на терминальные ценности образования. А степень деятельностного риска практически одинаково распределяется в обеих группах (ориентированных на терминальные и инструментальные ценности). Видимо, в стремлении минимизировать средовой риск молодые люди ориентируются на фундаментальные ценности образования, а не на сиюминутную выгоду. Совершая же практические действия, они стремятся не столько минимизировать, сколько оптимизировать риск в зависимости от конкретных ситуаций. Поэтому в процессе рационализации деятельностного риска в условиях неопределенности в одинаковой степени активизируются и терминальные, и инструментальные ценности.

Активную роль в саморегуляции этого процесса играют макдональдизированные институты, ориентированные на реализацию принципа «сегодня и сейчас». Перераспределяя терминальные и инструментальные ценности в зависимости либо от эффективности той или иной образовательной стратегии, либо от калькулируемости ее результатов, либо от предсказуемости их достижения, либо от уверенности в возможностях проконтролировать их, макдональдизация упорядочивает ролевое поведение молодежи в сфере образования, делая его предсказуемым и регулируемым. Причем выбор приоритетов при перераспределении ценностей ограничивается набором предоставляемых услуг в сфере образования (зачастую невысокого качества), с одной стороны, и весьма низким уровнем запросов в условиях ускоренного образа жизни, с другой. В итоге макдональдизированные практики стимулируют воспроизводство договорных сиюминутных ценностей, реализуя рассудочно-прагматичный тип саморегуляции.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) При анализе эмпирических данных использовались результаты мониторинга социального развития молодежи (1990—2006), проведенного Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2002 г. в 12 регионах РФ под руководством автора. Выборка молодежи в возрасте 15—29 лет составила: в 1996 г. — 2500 человек, в 1999 г. — 2004 человек, в 2002 г. — 2012 человек, в 2006 г. — 2000 человек.
- (2) Средовой риск отражает характеристику условий жизнедеятельности социальных субъектов в состоянии перехода от ситуации определенности к неопределенности (или наоборот). Деятельностный риск является характеристикой самой деятельности субъекта в этих условиях.
- (3) Форма рациональности, обоснованная Дж. Ритцером, по аналогии с принципами работы ресторанов быстрого питания.

#### ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Асмолов А.Г.* Психология личности. — М.: Изд-во МГУ, 1990.
- [2] *Ельчанинов М.С.* Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. — М.: КомКнига, 2005.
- [3] *Кравченко С.А.* Нелинейная социокультурная динамика: играизированный подход. — М.: МГИМО—Университет, 2006.
- [4] *Кравченко С.А.* Нелинейность // Социологический энциклопедический русско-английский словарь. — М.: Астрель — Аст Транзиткнига, 2004.

- [5] *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. — М., 1994.
- [6] *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М., 1986.
- [7] *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. — 1991. — № 6.
- [8] *Романов В.Л.* Социальная самоорганизация и государственность. — М.: РАГС, 2000.
- [9] Синергетика и социальное управление. — М., 1998.
- [10] *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. — М., 2003.
- [11] *Giddens A.* The Consequences of Modernity. — Cambridge: Polity Press, 1991.

## **SOCIAL REGULATION OF NONLINEAR PROCESSES UNDER UNCERTAINTY**

**V.I. Chuprov**

Center of Sociology of Youth  
Institute of Socio-Political Research with Russian Academy of Science  
*Leninsky a., 32a, Moscow, Russia, 11991*

The article researches into the mechanisms of social self-regulation of nonlinear processes by the example of changing youth values. That gives a certain theoretical explanation of social regulation within modern societies and of rationalization of uncertainty.